

- выявить духовные ценности и аксиологические основы человека в современном технологизированном обществе;
- исследовать мировоззренческую сущность техносферогенеза ее направленность на ценностные ориентиры современного общества;
- дать философский анализ путей и тенденций наудотехнологического развития современного общества.

Таким образом, можно констатировать, что техносферогенез видоизменяет и формируют социодинамику культуры, а также многие аспекты современного общества: его ценности, духовность, картину мира, мировоззрение. Наша цель – открыться возможным превращениям: Эрик Девис пишет: «У многих обитателей Земли в этом отношении просто мало выбора: поворот уже на горизонте. Медленно, опытным путем, «сетевой путь» возникает посреди стремлений и хаоса — многогранный, но интегральный модус духа, который может гуманно и разумно передвигаться по технологическому дому зеркал, не выпадая из резонанса с древними путями или способностью преодолевать алчность, ненависть и заблуждение, которые навлекает на себя человеческая жизнь. Сталкиваясь с призраком нового и новейшего фундаментализма, люди как внутри мировых религиозных традиций, так и за их пределами пытаются нарезать и склеить поток учений, техник, образов и ритуалов в путь, достаточно обоснованный, чтобы по нему можно было идти» [1].

Литература:

1. Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008.

КРАСОТА КАК ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

А.В.Барковская, г. Минск, Беларусь

Концептуальное оформление экологической этики в качестве самостоятельного раздела прикладного знания осуществляется в так называемое постметафизическое время, когда тотальной дискредитации подвергаются все привилегии человека в природном мире, развенчивается возможность его контролировать и верить в то, что этот мир со своей логикой жизни и естественной красотой создан исключительно для нас. Царству Вечности, Порядку, Повторению противопоставляются Время, Процесс, История, Переживание. Полагается, что пришло время переосмыслить конкретные формы человеческого опыта, изменить представление о себе и природном мире. Последний перестал восприниматься в качестве музея, он, скорее, по образному выражению У. Джеймса, великий цветущий, жужжащий беспорядок или в ассоциации Х.Л. Борхеса – вечная и бесконечная Библиотека, книги которой содержат

описание всех реализованных и возможных вариантов истории мира, и в ней, такой огромной, нет двух одинаковых книг. Природа и с точки зрения современного научного дискурса – это среда свободного становления, где постоянно возникает новое, но при этом она чувствительна к любым антропогенным воздействиям. Такой ее образ корректирует позиции человека метафизического, который утвердился в статусе субъекта, личности, духа с релевантными им принципами гуманизма.

В экологической этике, в которой усматривают философию планетарного альтруизма, природа должна быть источником любви, заботы и красоты, в ней надо признать морального партнера, чтобы современный человек смог ощутить себя «пастырем Бытия» (М.Хайдеггер). В этом контексте постметафизический человек не конституируется в качестве некой высшей инстанции, он не контролер и не судья в природном мире, не рупор абсолютной истины, поэтому его прямая обязанность состоит в том, чтобы направить свои усилия на сохранение природы и ее красоты. Основная парадигма этического отношения к природе исходит из презумпции, что ее следует сохранять независимо от эстетического или экономического значения. Красота как эстетическая категория пополняет тезаурус экологической этики и функционирует наряду с такими понятиями, как «права природы», «обязанности», «долг», «благо», «ответственность» и т.п. Именно с красотой, как известно, связывают спасение мира.

Ретроспективный анализ охраны природы показал, что первая волна (к. 60 - н.70 гг. XX в.) поставила в центр внимания чистоту воздуха и воды, вторая (с 70-х г.) концентрировалась на замедлении или прекращении атомной энергетики. Третья волна (80-е г.) была ориентирована на борьбу со всеми видами ущерба – от уничтожения тропических лесов до утилизации отходов и в значительной мере с изменением климата [3, с. 845-846]. XXI в. актуализирует своеобразную четвертую волну, как бы это парадоксально не звучало, поскольку все больше голосов ратует за спасение самой красоты. И если еще недавно с надеждой уповали на нее, то сегодня все с точностью до наоборот. В связи с этим возникают вопросы: почему спасение красоты приобрело в рамках именно экологической этики столь острый характер? И насколько вопрос о красоте может быть в этом пространстве стратегическим?

Ответы на эти вопросы лежат в истории культуры, которая является свидетелем решительного размежевания двух миров: естественной дикой природы и искусственно созданной человеком. И в этой дихотомии можно обнаружить, условно говоря, два подхода: в первом доминантой выступает красота природного мира, именно она становится эстетическим эталоном и критерием для любого артефакта. Здесь природа понимается как источник впечатлений, задающая гармонию цветового решения, архитектурных и

иных стилизаций, музыкальных форм и т. д. Как полагает А. Жид, без красоты нет совершенной жизни, как нет ее без Добродетели и Истины. В природе привлекает все «живое», «соразмерное», «легкое» и «привлекательное для созерцания. При этом человек позиционирует себя в качестве эстета, способного прочувствовать и познать глубину и прозрачность прекрасного.

Первым эстетом среди европейских художников дикой природы признан Леонардо да Винчи, но немалую лепту в возвеличивание природной красоты в XVI в. внес и Альбрехт Альтдорфер, в XVII в. Якоб Ван Рейсдал, Филипп Роуз, Сальватор Роза. Но особенно повышенный интерес к изображению красоты дикой природы приходится на к. XVIII – XIX вв. и его инициаторами признаны такие художники как Уильям Тернер, Александр Калама и др. Ради справедливости стоит отметить, что дикую природу с успехом изображали художники русской реалистической школы (А.М. Васнецов, И.И. Шишкин, А.И. Куинджи и др.) и белорусские живописцы (В.К. Бялыницко-Бируха, М.В. Дучица, В.А. Громько и др.) [2]. Пиетет перед красотой дикой природы испытывают и писатели, и поэты – благодаря им этот мир приобретает самоценность в культуре (до сих пор проблема самоценности природы одна из самых обсуждаемых в экологической этике). Например, и С. Колридж, и У. Вордсворт, и П. Шелли и другие в своих произведениях демонстрировали страстный протест против сухого аналитического языка науки, разрушающего целостность природы и лишаящего ее эстетического смысла. Вместе с тем и в те времена не все находили романтику и красоту в дикой природе, т. к. она казалась воинствующей дикостью и не имела никакой практической ценности, поэтому парковые ландшафты были намного им приятнее. Как известно, даже ботаника дикую природу не жаловала, поскольку она была тем, что надлежало укротить, классифицировать, сделать источником выгоды.

Второй подход связан с эпохой потребления, которая превращает человека в творца в сфере эстетического: сегодня все чаще говорят о «человеке-эстетисте», помогающем красиво обустроить внешний мир и обладающего «эстетической властью» над ним. В результате человек-эстет становится имиджмейкером. Такую позицию Фр. Бегбедер определил как «планирование согласно вкусам»; в частности, это касается даже выбора родителями пола ребенка, они бы заказали вдобавок и цвет волос, и глаз, «если бы только могли выбирать по каталогу, как выбирают вещь, куклу» [1, с. 206-207]. Но еще в начале XX в. Р. Сизеран и Я. Павликовский заговорили о том, что люди должны не щедро расставлять статуи, а глубоко чтить неотесанные камни родины, красота которых является ее первообразом. Естественной красоты природы уже не хватает и оказывается, что виновником ситуации является сама «высшая культура»:

скошенные поля, разделенные дорогами на квадраты, выглядят как шахматная доска; дороги большие, но в них нет линии «психологической, только сухая, рациональная логика; пастбища пошли под луг – скота нет на полях, он закрытым стоит в сараях; вместе с чащами исчезли и птицы, потому что они не нужны, а культурные люди не пестрые, как цветы на лугах, а одетые в черное и грустные, не имея вокруг чего-то, чему можно смеяться. Из города в деревню слепо переносится стиль строительства, одежда, настоящий вред приносят каменоломни и турбины: прекрасные скалы превращаются в щебень; водопад измеряют в лошадиных силах и делают предметом торга. Наконец, главный источник зла для природы – это железная дорога, т.к. ее полотно – это не легкая линия полевой дороги, подчиняющаяся окрестному пейзажу, а приносящая в него признак чужеродности, нарушающий ритм жизни. Промышленный дух стирает частные признаки, индивидуализм местности и обычая, тем самым утрачивается прелесть разнообразия. Таким образом, весь мир становится моделью города, где живут в серых домах, где индивидуальность и красота не присутствуют, т.к. им отведено место в музее. Все это результат того, что одни люди, в восторге от красот природы поделились своими чувствами с другими людьми и начали облегчать доступ к этим красотам, строить, прокладывать, сооружать и т.д. Другие поняли, что дикая природа должна быть красивой, поскольку это экономически выгодно[4, с. 63-65].

С тех пор мало что изменилось: с одной стороны, интенсивные миграционные потоки сельского населения в города, расширяют и изменяют их жизненное пространство, уменьшая территорию дикой природы. С другой – попытка городских властей сдерживать границы мегаполисов путем уплотнения внутренней архитектурной застройки приводит к уничтожению естественного ландшафта. Зеленой зоны все меньше, искусственной красоты все больше, жизненное пространство людей сжимается. Неоприродная реальность должна эстетически замещать естественную красоту дикой природы. Поэтому основная стратегия экоэтики – признать этические и эстетические критерии в качестве социально значимых и регулятивных принципов в решении проблем коммуникации человека и природы. Но это под силу только интеллигентному обществу...

Литература:

1. Бегбедер, Фр. Фалько ди Ж.-М. Я верую – Я тоже нет / Фр. Бегбедер, Ж.-М. ди Фалько. – М., 2007.
2. См.: Борейко, В.Е. Художники дикой природы / В.Е. Борейко // Гуманитарный экологический журнал. – 2005. – Т. 7. – Вып. 3.
3. Ергин, Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Д. Ергин. – М., 2011.

4. См.: Павликовский, Я. Культура и природа /Я. Павликовский // Гуманитарный экологический журнал. – 2004. – Т. 6. – Вып. 1.

ЕЎРАПЕЙСКІЯ ГАРЫЗОНТЫ МІЖКУЛЬТУРНАГА ДЫЯЛОГУ

Л.М. Уладыкоўская, г. Мінск, Беларусь

Культурныя перспектывы сэння глыбока ўплеценыя ў глабальную палітыку.

Культурная свабода выступае жыццёва важнай часткай развіцця чалавека, бо здольнасць выбраць ідэнтычнасць, не губляючы павагі іншага ці да іншага, – істотная для паўнацэннага быцця.

Культура стала эканамічна ключавым словам: музыка, кіно, відэагульні, выяўленчае мастацтва сэння з'яўляюцца часткай паспяховай эканамічнай дзейнасці.

Культура больш не з'яўляецца паняццем, выключна звязаным з нацыянальнымі тэрыторыямі ці этнічнымі групамі. Творчасці патрабуецца большая прастора для манеўраў, чым можа прапанаваць нацыянальная дзяржава. Мноства вялікіх мастакоў – не прадстаўнічыя для пануючай нацыянальнай культуры, але іначай акцэптуюцца за яе межамі, у іншых сацыякультурных каардынатах.

Узровень інфармаванасці грамадства адносна культурных працэсаў у глабальным маштабе значна павысіўся. Дэбаты пра міжнацыянальныя спрэчкі, мультыкультуралізм і нацыянальную самасвядомасць выдзелілі культуры адно з цэнтральных месцаў у палітыцы.

Калі ў 1957 г. Бельгія, ФРГ, Францыя, Італія, Люксембург і Нідэрланды падпісалі Дамову аб еўрапейскай эканамічнай супольнасці, заснаванай на пашырэнні агульнага рынку, культурнае пытанне ўжо паўставала на круглых сталах міжнароднай палітыкі (напрыклад, падчас канферэнцыі еўрапейскіх міністраў культуры, арганізаванай ЮНЕСКА ў 1972 г.), і з часам становілася ўсё больш актуальным, асабліва ў плане важнасці нацыянальна-культурнай спецыфікі і еўрапейскай ідэнтычнасці для далейшай інтэграцыі на еўрапейскім узроўні.

У 1976 і 1979 гг. Еўрапейскі парламент прыняў дзве рэзалюцыі, якія запрашалі прадставіць афіцыйныя прапановы па развіцці культуры; у 1982 г. была прынятая і ў 1983 г. падпісаная дэкларацыя міністраў культуры ЕС аб вывучэнні магчымасцей культурнага супрацоўніцтва. Еўрасаюзам быў прыняты шэраг і іншых дакументаў, у тым ліку датычных еўрапейскіх сталіц культуры (з 1985 г.). У 1987 г. у Еўрасаюзе была створана спецыяльная камісія па культурных праблемах, у 1991 г. – першая структура па фінансавай падтрымцы аўдыявізуальнай прамысловасці і г.д. Паўсталі шматлікія культурныя і абменныя праграмы (напрыклад, у 1995 г. – праграма “Erasmus” і інш.).